

ОПЕРАЦИЯ МАНГО-ГРОМ

ОЛЕГ РЫЧКОВ

Олег Рычков

ОПЕРАЦИЯ МАНГО-ГРОМ

<https://litres.ru/74282977>

SelfPub; 2026

Аннотация

тепан Сироткин — «Хмурый». Спецназовец, списанный в утиль после международного скандала. Его последняя миссия звучала как плохой анекдот: ликвидировать диктатора крошечной банановой республики Эль-Карибе-Норте, который боится птиц и считает сахарный тростник святыней.

Но всё пошло не по плану ещё до раскрытия парашюта. Вместо тихого снайперского выстрела — падение лицом в кучу тропического компоста, потеря оружия, денег и рассудка. Теперь он — мишень номер один для собственной разведки, кубинских наемников и личной гвардии диктатора, охраняющей нечто гораздо более страшное, чем просто безумец у власти.

Выжить в джунглях без воды, выйти сухим из лап местной инквизиции и взорвать секретную лабораторию — это вторник. Проблема в том, что лекарство от смерти находится во дворце того, кого приказано убить. А домой хочется так сильно, что ради этого билета придется спалить полмира.

Олег Рычков

ОПЕРАЦИЯ МАНГО-ГРОМ

ОПЕРАЦИЯ "МАНГО-ГРОМ" Глава 1

Степан Аркадьевич Сироткин ненавидел три вещи в алфавитном порядке: алкогольную импортозамещающую бурду под названием «Коньяк Три топора», людей, которые пытаются философствовать до первой рюмки, и жару. В кабинете начальника базы было плюс тридцать пять, хотя за окном скрипел крещенским морозом забытый богом гарнизон где-то под Вологдой. Кондиционер выл похмельным банши, выбрасывая в лицо Степану струи теплого кислого воздуха.

— Ты обосрался, Сироткин, — сказал генерал-майор Звягинцев, не отрываясь от созерцания пятна сырости на потолке. Пятно напоминало карту Африки, только вместо Нила там была трещина от усадки здания. — Причем буквально. На учениях дружественной нам африканской делегации. Когда тебя просят показать прием обезоруживания, не нужно комментировать это цитатами из Ницше и пытаться сломать послу Буркина-Фасо палец только потому, что тебе не понравился цвет его тюрбана. Тюрбаны, Степан, бывают разных цветов. Палец у человека обычно один и тот же.

Степан молчал. Он смотрел на свой АКМС, прислонен-

ный к ножке стола. Деревянное ложе пошло трещиной еще в девяносто восьмом, когда он неудачно использовал автомат как рычаг для открытия заклинившего люка БМП, но Степан замотал дерево синей изолянткой так любовно, что ствол казался мумией фараона. Изолянтка была единственным существом во вселенной, которое его никогда не разочаровывало. Она честно липла ко всему, кроме совести начальства.

— Короче, Хмурый, — генерал наконец перевел взгляд со штукатурки на капитана. Позывной «Хмурый» прилип к Степану намертво после того, как он улыбнулся ровно один раз в жизни — когда случайно утопил ротный УАЗик в болоте, решив сократить путь через брод. Говорили, что в момент улыбки в радиусе пяти километров передохли все комары. — Карьеры у тебя больше нет. Либо трибунал за порчу имущества вероятного друга, нанесение тяжких телесных и международный скандал, либо последнее задание. Выбор без выбора.

— Где? — сухо спросил Степан. Горло драло от дешевого коньяка, который он пытался глушить ночью, чтобы уснуть. Коньяк имел вкус мокрых опилок и тоски по Родине.

— Там, где тепло. И влажно. Очень влажно. Республика Эль-Карибе-Норте. Слыхал?

Степан почувствовал, как грибок на его ногах начал заранее праздновать победу. Споры уже начали аплодировать.

Задание звучало как плохой анекдот, рассказанный человеком без чувства юмора, которому очень нужно выслужить-

ся перед Москвой. Диктатор Аугусто Вальверде, самопровозглашенный «Эль-Папа-Хефе», объявил сахарный тростник национальной святыней, а себя — ее пророком. Экономика страны держалась на фальшивых швейцарских часах, экспорте странных деревянных скульптур из манго и транзите чего-то такого, о чем даже разведка предпочитала не спрашивать. Вальверде страдал тяжелой орнитофобией и окружил свой розовый дворец клетками с попугаями-ара, полагая, что их истошный тропический крик отпугивает дурные вести и инспекторов МВФ.

Задача Степана: проникнуть под видом немецкого туриста-миллионера (любителя птиц — привет страхам диктатора), ликвидировать цель инъекцией кураре, имитирующей инфаркт, и создать видимость гражданской войны между фракциями любителей рома, чтобы списать всё на разборки наркокартелей.

Проблема заключалась в том, что Степан ненавидел туристов, миллионеров, немцев и птиц. Особенно птиц. Птицы отвечали ему взаимностью, норовя нагадить на погоны еще в учебке. А в Никарагуа этого добра было в избытке.

Прыгать пришлось ночью. Шел дождь. Не тропический ливень, который красиво показывают в кино крупным планом, а мерзкая, холодная взвесь, которая пропитывает одежду насквозь, делая её тяжелее бронежилета, и затекает прямо в душу.

Инструктор перед вылетом посмотрел на мешковатый ко-

стюм «немецкого миллионера» — пиджак цвета переваренной спаржи, брюки с пузырями на коленях и сандалии поверх серых шерстяных носков с подтяжками — и покачал головой: — Тебя видно из космоса, Сироткин. Даже слепые спутники НАСА заметят этот стиль. Ладно, сойдет за эксцентричного бургера, которого жена выгнала из Баден-Бадена за чрезмерную любовь к малому бизнесу и копченым колбаскам.

Шаг в пустоту. Свист ветра оглушает сильнее любой сирены боевой тревоги. Рывок кольца. Степан дернул слишком сильно, по привычке работая на армейском парашюте Д-6, а не на спортивной «крыле». Основной купол раскрылся с хлопком, от которого зазвенело в ушах и посыпалась зубная эмаль, и тут же поймал порыв бокового ветра. Поток потащил его не в сторону расчищенной поляны, куда светили посадочные огни заброшенного аэродрома, а прямо в темноту джунглей.

Внизу проносились черные лапы папоротников размером с грузовик «Урал». Степан сгруппировался, понимая, что запасного парашюта у него все равно нет — вместо него в ранец засунули дипломат с наличностью, поддельными документами и сухим пайком, пахнущим плесенью. Встреча с землей обещала быть твердой, но интересной.

Удар о крону дерева пришелся сначала по ногам, затем спиной о толстый узловатый сук. Хрустнуло. То ли дерево, то ли ребро. Его понесло по инерции вперед, маятником кач-

нуло сквозь листву и швырнуло вниз. Последнее, что успел зафиксировать мозг перед потерей ориентации в пространстве — ослепительно-белое пятно птичьего помета стремительно несется ему в лицо. Размером с десертную тарелку.

Земля оказалась мягкой, пружинящей и невероятно пахучей. Смесь прелой листвы, гниющих фруктов и чего-то густого, органического. Степан открыл глаза, лежа лицом вниз. Перед носом торчала травинка. Откуда-то снизу тянуло резким аммиачным духом общественного туалета.

Он приподнял голову. Прямо перед его глазами, в пяти метрах, замер патруль правительственных войск. Двое солдат в выцветшем камуфляже цвета блевотно-фуксиевого заката курили дешевые сигареты «Ла Корона», привалившись к капоту ржавого пикапа «Шевроле» времен Рейгана. Они смотрели не на шумящие кроны деревьев, откуда только что выпал человек, а друг на друга, обсуждая вчерашний бейсбольный матч. До них долетел лишь глухой шлепок чего-то тяжелого о кучу компоста. Латинская Америка жила своей неспешной ночной жизнью, и падение белого человека с неба в отходы жизнедеятельности местного скота не входило в список приоритетов этой смены.

Глава 2

Патрульные докурили. Один из них, с усами как у разочарованного моржа, лениво ткнул носком ботинка в кучу листьев рядом со Степаном. Листья зашевелились. Солдат хмыкнул, достал из кармана горсть жареных кузнечиков и

забросил их в рот, громко хрустя хитином. Второй сплюнул тягучей коричневой слюной прямо на колесо пикапа.

Степан перестал дышать. Он лежал лицом в субстанции, которая по запаху напоминала смесьдохлой обезьяны и прокисшего молока. Дипломат с деньгами впечатался ему в солнечное сплетение, перекрыв кислород окончательно. В голове билась только одна мысль, холодная и четкая, как заговор: «*Кураре кураре, а говном пахнуть не должен*». Легенда немецкого миллионера-орнитолога трещала по швам громче парашютных строп. Миллионеры прилетают на частных джетах. Максимум — падают с палуб круизных лайнеров в бассейн с шампанским. Они не валяются мордой в тропическом компосте под носом у военного патруля цвета вырвиглаз.

Усатый что-то сказал напарнику на испанском. Что-то про то, что ветер сегодня воняет особенно сильно. Напарник кивнул и бросил окурок. Окурок летел медленно, роняя искры, словно метеорит. Степан проводил его взглядом. Окурок упал в десяти сантиметрах от его носа, на сухой лист папоротника. Лист начал дымиться.

Это был конец. Сейчас поднимется паника, они вызовут подкрепление, найдут дипломат с евро, и вместо трибунала в Вологде Сироткина расстреляют здесь же, у ржавого «Шевроле», а потом скормят его тело тем самым птицам, которых он так ненавидел. Вальверде даже прикажет сделать чучело и поставит его в саду дворца для устрашения оппозиции.

Ветер качнул крону пальмы над головой Степана. Свер-

ху, прямо на спину усатого солдата, рухнуло нечто тяжелое и мохнатое. Раздался визг, переходящий в ультразвук. Солдат подпрыгнул на метр, размахивая руками, словно пытаясь взлететь вслед за своим АК. Это была коати — местный енот-переросток с мордой бандита и характером психопата. Животное запуталось в разгрузке солдата, щелкало зубами и поливало штаны фуксиевого камуфляжа струей едкой мочи.

Второй патрульный среагировал профессионально. Он передернул затвор своего древнего M16, направил ствол в сторону вопящего товарища и замер. Логика дала сбой. Стрелять в сослуживца нельзя, но зверь явно вражеский. Коати, осознав, что застрял, впился зубами в ухо солдату. Усатый взвыл дурным голосом и побежал прямо на Степана, ничего не видя перед собой от боли и ужаса.

Сироткин действовал на рефлексх. Пистолет остался в оперативной кобуре под мышкой — попытка пошевелить левой рукой отзывалась огнем в предположительно сломанном ребре. Привлекать внимание выстрелом было глупо. Он просто убрал ноги.

Усатый пролетел мимо того места, где секунду назад были лодыжки капитана, споткнулся о корень баобаба и совершил тройное сальто вперед, приземлившись головой точно в ту самую кучу, откуда минуту назад пытался выковырять Степана горячей сигаретой. Звук удара черепа о слежавшуюся органику был сочным и влажным. Солдат затих. Коати, освободившись от объятий, сиганул в темноту джунглей, прихва-

тив на память одну блестящую пуговицу с формы.

Второй патрульный всё еще держал винтовку наизготовку, переводя выпученные глаза с распластанного друга на темные кусты, куда убежал енот. Мозги парня работали медленнее, чем остывает вулкан. Он сделал шаг к товарищу, наклонился, потрогал его за плечо. Голова усатого провалилась в навоз по самые уши. Патрульный издал странный булькающий звук, перекрестился и принял единственно верное решение, доступное человеку с коэффициентом интеллекта комнатного растения. Он развернулся, прыгнул в кабину «Шевроле» и дал по газам.

Пикап взревел, выбросил облако черного дыма, дернулся и заглох. Стартер заклинило. Солдат снова попытался завести мотор. Чих-чих. Тишина. Паника делала чудеса с координацией, но совершенно отключала навыки механика.

Степан выждал ровно десять секунд, считая вдохи. На счет «три» легкие начало жечь от нехватки кислорода. На счет «семь» аммиак из кучи начал разъедать слизистую. На «десять» он понял, что если сейчас не встанет, то задохнется собственным стыдом.

Он перекатился набок, чувствуя, как каждый позвонок орет благим матом. Ребро слева определенно было цело, но мягкие ткани превратились в один сплошной синяк. Земля под ним чавкнула. Степан встал на четвереньки, затем на колени. Его костюм «немецкого миллионера» больше походил на маскировочный халат партизана-свинопаса. Пиджак

можно было ставить к стене — он бы не упал. От костюма шел густой дух скотного двора и поражения.

Дипломат. Где дипломат? Степан зашарил руками в темноте. Пальцы наткнулись на гладкую кожу. Замок чудом выдержал удар о землю. Капитан подтянул кейс к себе, обнял его как родного сына и пополз в темноту, прочь от дороги, туда, где росли самые колючие кусты, какие только смог найти. Ему нужно было затаиться, снять мокрую одежду и понять, в какой дыре Центральной Америки его похоронили заживо.

Через двадцать метров ползком он уперся во что-то деревянное и круглое. Подняв голову, Степан увидел старую агаву, растущую под углом в сорок пять градусов. А под ней, прислоненная к стволу, стояла та самая пальма. Вернее, ее ошметок. Основной ствол срезало парашютными стропами при посадке, и теперь десятиметровая махина лежала поперек тропинки, перегородив путь. Верхушка пальмы все еще вращалась, осыпая окрестности сухими листьями.

Прямо посередине широкого пальмового листа, зацепившись лямками за острый шип, висела его разгрузка. И ранец. И запасной боекомплект. И сухпай. Всё, кроме воды. Флягу сорвало при падении.

Степан посмотрел на свои руки. Они были черными от жирной земли. Ногти забиты грязью. Из-за уха ползла какая-то многоножка толщиной с палец. Он глубоко вздохнул, выдохнул облачко пара в ночной воздух и впервые за вечер

позволил себе подумать цензурную мысль: «Приехали».

Глава 3

Снять снаряжение с шипа агавы оказалось сложнее, чем ликвидировать диктатора. Шип был длинным, крепким и явно имел зуб на десантников ВДВ. Степан попытался подтянуть к себе ближайший край пальмового листа, но дерево сопротивлялось. Оно скрипело, сыпало трухой и било по рукам жесткими краями. — Спокойно, — прохрипел Сироткин листу. — Я немецкий миллионер. У меня есть яхта. Просто отдай мне мой сухпай. Лист не внял аргументам. Капитан уперся ногой в ствол агавы, схватился за лямку разгрузки обеими руками и дернул со всей силы раненого плеча. Раздался звук рвущейся ткани. Лямка осталась у него в руках, а разгрузка тяжело шлепнулась в кусты, осыпав Степана дождем из сухих пауков.

Он потратил следующие пятнадцать минут на то, чтобы выпутать ремни из колючек. К тому моменту, как он наконец завладел своим имуществом, костяшки пальцев были стерты до мяса, а костюм «бюргера» приобрел законченный вид лохмотьев бомжа с Казанского вокзала.

Внутри ранца было сухо. Консервы звякнули приветливо. Но когда Степан достал флягу, та оказалась пустой. Пластик выдержал удар, но крышка слетела при падении. Вода вытекла еще там, в небе. Сухость во рту стала физической болью. Он открутил крышку у банки тушенки. Запах разогретого жира показался ему запахом амброзии. Степан под-

цепил кусок мяса грязным пальцем, сунул в рот и едва не взвыл. Соль. Чистая, концентрированная морская соль вперемешку с перцем. Жажда усилилась стократно. Язык превратился в наждачную бумагу.

Нужно было двигаться. Патруль мог вернуться. Тот факт, что они бросили машину, обнадеживал, но дисциплина латиноамериканских армий строилась исключительно на страхе перед расстрелом. Когда начальство спросит, куда делся пикап и почему голова сержанта торчит из компоста, солдат придумает историю про гигантского енота-террориста, и на поиски пошлют взвод.

Степан посмотрел на карту, извлеченную из непромокаемого планшета. Карта была бумажной, напечатанной типографией Генштаба лет двадцать назад. На ней значились объекты стратегического значения: «Склад удобрений №4», «Конопляное поле (вероятно)» и пунктиром отмеченная тропа контрабандистов. Его красная точка находилась где-то между «Болотом москитов» и «Логовом ленивцев». До столицы, где розовый дворец Вальверде маячил жирной кляксой, было километров сорок непроходимых джунглей.

Сорок километров без воды. Отличный план. Надежный, как швейцарские часы местного производства.

Он закинул ранец на спину. Автомат пришлось держать в правой руке — левое плечо окончательно отказалось работать после борьбы с агавой. АКМС весил как чугунный мост. Степан поправил сползший набок парик-«каре», кото-

рый должен был скрывать его армейскую стрижку ежиком, и почесал лоб. Под париком чесалось немилосердно. Немецкие миллионеры так себя не ведут. Немецкие миллионеры пьют просекко на террасах.

Тропа вела вниз, в низину. Оттуда тянуло сыростью и гниением. Логика подсказывала, что вода должна быть внизу. Инстинкты самосохранения кричали, что внизу живут анаконды, малярийные комары размером с вертолет и те самые ленивцы, которые, согласно карте, имели свое логово. Степан выбрал воду. Выбор между смертью от жажды и смертью в пасти змеи всегда очевиден для профессионала своего дела.

Первые сто метров дались легко. Ночь была лунной, свет пробивался сквозь кроны, превращая лианы в серебристые канаты. Он шел пригнувшись, стараясь ступать след в след, чтобы не хрустеть ветками. Привычка разведчика въелась в мышцы намертво, хотя сейчас она казалась абсурдной. Какой смысл скрытно передвигаться, если ты пахнешь как выгребная яма и одет в костюм спаржи?

Джунгли жили своей жизнью. Кто-то постоянно шуршал в кустах, кто-то выл дурным голосом, имитируя сирену гражданской обороны. Один раз прямо над головой Степана пролетела тень размахом крыльев метра в два. Он рефлекторно вскинул автомат, палец лег на спусковой крючок. Тень каркнула человеческим голосом и скрылась в темноте. — Попугай, — выдохнул Степан, опуская оружие. — Всего лишь

чертов попугай. Сердце колотилось где-то в горле. Адреналин смешивался с солью тушенки, создавая гремучую смесь тошноты и паники.

Через полчаса ходьбы деревья начали редеть. Сырость сменилась стоячей водой. Под ногами зачавкало. Степан вышел на берег черной, маслянистой реки. Луна отражалась в воде, делая ее похожей на расплавленный свинец. Ни течения, ни ряби. Идеально гладкая поверхность.

Он упал на колени у самой кромки, забыв про маскировку, патрули и конспирацию. Опустил лицо к воде. Она пахла болотом, тухлыми яйцами и разложением. Но это была жидкость. — Хер с ним, — сказал Степан реке.

Он уже собирался погрузить ладони в эту жижу, когда заметил движение на том берегу. Что-то большое и белое отделилось от тени деревьев и медленно двинулось вдоль берега. Оно шло на двух ногах. Голова существа покачивалась в такт шагам, словно маятник.

Степан замер, вжимаясь в ил. Сердце снова прыгнуло к горлу. Это был не зверь. Звери не носят сутану. По той стороне реки неспешным прогулочным шагом шел католический священник. В одной руке он держал четки, а в другой — старую двустволку, небрежно перебросив ее через локоть. Священник остановился, задрал голову к луне, перекрестился и громко рыгнул. Затем он присел на корточки прямо у воды и начал справлять нужду, продолжая напевать что-то церковное.

Степан понял две вещи. Во-первых, местный господь бог обладал специфическим чувством юмора, посылая святую воду вместе со святым отцом. Во-вторых, пить из этой реки он теперь точно не станет. Не потому, что боялся дизентерии, а потому, что выше по течению только что открылся канализационный сброс самого Провидения.

Глава 4

Священник закончил свои дела, подтянул штаны, забрел пряжкой ремня и побрел обратно в темноту джунглей, что-то бормоча себе под нос про грехи прихожан и отсутствие хорошего рома в этой дыре. Степан выждал еще пять минут, давая святому отцу время раствориться в ночи. Запах от реки теперь казался не просто болотным — он приобрел отчетливые нотки ладана и перегара.

Жажда скручивала внутренности узлом. Глаза заливал пот, смешанный с грязью. Сироткин отполз назад, под прикрытие широких листьев банана, и попытался включить мозг. Карта Генштаба врал. Реки здесь текли не так, как было нарисовано. Эта черная артерия перекрывала путь к столице наглухо. Плыть через «масло» со свинцом на дне желания не возникало: там могли водиться не только пираньи, но и твари похуже, которые питаются миссионерами с двустволками.

Вариантов было два. Первый — идти вдоль русла вверх по течению в поисках брода. Это значило крюк километров в десять минимум, потерю времени и риск встретить компа-

нию того священника или его коллег по приходу. Второй — лезть прямо в чашу, забирая левее, надеясь, что рельеф уведет его от топей.

Степан выбрал третий вариант. Он решил украсть лодку. Логика была железной: если местный падре ходит пешком, лодки должны быть где-то у деревни. А деревня всегда строится у воды. Значит, нужно вернуться немного назад, найти признаки человеческого жилья — дым, лай собак или звук мачете — и экспроприировать плавсредство. Немецкий миллионер-орнитолог имеет право реквизировать лодку ради спасения редких видов колибри. Вальверде сам это подписал в конституции мелким шрифтом на странице двести сорок.

Он развернулся и пошел параллельно реке, держась на расстоянии ста метров. Идти стало тяжелее. Корни деревьев торчали из земли, словно жилы огромного мертвого зверя. Ноги постоянно цеплялись за лианы-липучки, которые оставляли на штанинах клейкие зеленые нити. Парик промок от пота, съехал на затылок и теперь напоминал дохлую крысу, прилипшую к голове. Степан сорвал его и сунул в карман. К черту конспирацию. В этих джунглях немецкий турист-миллионер выглядел бы менее подозрительно, если бы шел голым и играл на балалайке.

Через час блужданий он услышал шум. Не рев водопада и не треск веток под лапами ягуара. Это был ритмичный металлический лязг. Дзынь... пауза... дзынь. Звук повторялся

каждые три секунды. Так звучит работа, а не природа. Капитан упал на живот и пополз вперед, выставив перед собой ствол АКМС. Рефлексы работали быстрее мыслей.

Проползя через заросли сахарного тростника, который резал руки острыми краями листьев не хуже бритвы, он выполз на опушку. Перед ним открылась поляна. Небольшой расчищенный участок земли, освещенный тусклым светом керосиновой лампы, висевшей на кривом столбе. И источник звука стал очевиден.

Деревня оказалась не деревней, а скорее сезонным лагерьем сборщиков каучука или браконьеров — три хижины из пальмовых листьев, натянутых на кривые жерди, кострище в центре и загон для свиней, сплетенный из бамбука. Запах стоял соответствующий: смесь дыма, жареного мяса и застоявшейся мочи. Лодки действительно были. Целых две. Одна — долбленое дерево, выдолбленное теслом настолько грубо, что напоминало внутренности животного. Вторая — старая алюминиевая плоскодонка с навесным мотором «Эвинруд», который выглядел так, будто помнил высадку союзников в Нормандии.

Степан выбрал алюминий. Дерево скрипит, течет и требует сноровки. Алюминий просто скользит по воде, если есть весла. Весел, разумеется, не было. Зато возле одной из хижин стояла ржавая двухсотлитровая бочка. Капитан подошел к ней, примерился плечом и опрокинул. Внутри плескалось литров сорок мутной дождевой воды.

Жажда ударила в голову сильнее, чем коньяк Звягинцева. Степан рухнул на колени перед бочкой, игнорируя плавающих там жуков-плавунцов и мошкар. Он зачерпывал воду грязными ладонями и пил, пока желудок не начало сводить судорогами. Вода была теплой, воняла болотом и отдавала гнилым пластиком, но это была жизнь. Он вылил остатки себе на голову, пытаясь смыть хотя бы верхний слой коросты из грязи, пота и птичьего помета. Парик окончательно превратился в мокрую тряпку и остался лежать у бочки. Сироткин отшвырнул его ногой. К черту легенду. Если он выберется отсюда живым, он будет выглядеть как партизан после трех лет в окружении, и никакие документы немецкого миллионера не спасут его от дурдома.

Он вернулся к лодке. Мотор даже не стал пытаться заводить — искры не будет, бензина нет, а шум разнесется на десять километров. Придется идти на шесте. Степан нашел подходящую палку метра три длиной, проверил ее на прочность и столкнул плоскодонку в черную маслянистую воду. Дно тут же ушло из-под ног. Глубина начиналась сразу от берега.

Река приняла лодку беззвучно. Течение здесь все-таки было, ленивое, но настойчивое, тянущее вниз, к болотам. Степан встал во весь рост, упер шест в дно и начал толкаться. Плечо взорвалось болью при первом же толчке. Ребро хрустнуло протестующе. Он стиснул зубы так, что эмаль затрещала, и продолжил работать. Боль стала фоном. Белым шумом.

На войне боль — это просто информация о том, что ты еще не труп.

Течение подхватило плоскодонку и понесло мимо того места, где полчаса назад мочился священник. Степан инстинктивно пригнулся, прячась за низкий борт, хотя пад-ре давно ушел. Луна скрылась за набежавшими тучами, и джунгли превратились в сплошную стену черного бархата. Единственным ориентиром был запах. Река пахла гнилью впереди и чуть менее гнилью позади.

Где-то слева, в чаще, раздался протяжный, тоскливый вой. Не собачий. Слишком глубокий, вибрирующий, отдающийся прямо в зубных пломбах. Вой ягуара. Или чего-то, что очень хотело им быть. Животное явно охотилось. И судя по тому, как резко оборвался писк какой-то ночной твари, охота прошла успешно.

Степан удвоил усилия. Шест вяз в донном иле, издавая чавкающие звуки, похожие на поцелуи мертвеца. Каждый рывок отзывался вспышкой в спине. Он старался держаться середины русла, подальше от берегов, где ветки деревьев образовывали сплошной зеленый тоннель. Там, в темноте, глаза горели зеленым огнем. Десятки глаз. Они провожали лодку, не моргая.

Впереди посветлело. Тьма сменилась серостью. Река делала крутой поворот вправо, расширяясь и замедляясь. Там, за поворотом, течение становилось быстрее, слышен был нарастающий гул порогов или перекатов. Но главное — там

виднелось небо. Чистое, звездное пятно посреди сомкнувшихся крон.

Глава 5

Звук нарастал. Из глухого гула он превратился в методичный, злой рев воды, бьющейся о камни. Степан бросил шест и схватился за борта алюминиевой лоханки. Плоскодонка — самое дерьмовое судно для порогов. У нее нет киля, ее не режет волну, она просто плюхается на воду плашмя, как дохлая рыба.

Течение ускорилося. Лодку резко повело влево, ударив бортом о выступающую из воды корягу. Дерево хрустнуло, алюминий издал оглушительный скрежет, но выдержал. Сироткин сжался в комок, стараясь стать ниже уровня бортов. Вода захлестывала внутрь ледяными горстями.

Впереди река превращалась в белую пенную полосу. Стволы упавших деревьев перегораживали русло, создавая естественный слалом. Между ними клокотали «бочки» — водовороты, способные затянуть плоскодонку на дно вместе с пассажиром.

— Да чтоб тебя! — рывкнул Степан, хватая шест. Он ткнул им в дно, пытаясь оттолкнуться от надвигающегося слева валуна размером с танк. Шест соскользнул по слизи, капитана дернуло вперед, и он едва успел отпустить древко, чтобы не вылететь за борт. Потеря шеста означала потерю управления. Теперь он был просто грузом в консервной банке, несущейся навстречу водопаду.

Лодка подпрыгнула на первом сливе. Нос задрался вверх, мир перевернулся на секунду, состоящую из звездного неба и черной стены воды, а затем жестоко рухнул вниз. Удар выбил воздух из легких. Степан прикусил язык. Во рту стало солоно от крови пополам с речной гнилью.

Вода ревела в ушах. Он ничего не видел, кроме летящих в лицо брызг. Руки работали сами: левая намертво вцепилась в веревку-леер, прибитую к борту ржавыми гвоздями, правая шарила по дну в поисках хоть чего-то тяжелого, чем можно было бы работать как якорем или веслом. Пальцы наткнулись на приклад АКМС. Капитан выдернул автомат из-под лавки. Оружие мгновенно потяжелело втрое, напившись водой.

Очередной вал накрыл его с головой. Степан ушел под воду. Легкие загорелись. Его тянуло вниз, под лодку, в зеленую, пузырящуюся тьму. Инстинкт заставил его согнуться, пропустить корпус лодки над собой. Алюминий проскрежетало прямо над спиной, сорвав клоч ткани с рубашки. Он вынырнул, глотая воздух вперемешку с дизельным топливом и пеной.

Пороги внезапно кончились. Рев оборвался так же резко, как и начался. Лодка вылетела на плес. Широкий участок реки, где вода снова стала маслянистой и черной. Тишина после грохота давила на барабанные перепонки сильнее любого взрыва.

Степан лежал на дне лодки, раскинув руки. Сердце пыта-

лось пробить ребра изнутри. Левое плечо вышло из строя окончательно — рука висела плетью, пальцы не слушались. Автомат булькнул и ушел на дно, скрывшись в мутной глубине прежде, чем капитан успел осознать потерю. Прощай, верный друг. Вместе с ним ушли все патроны и надежда на то, что диктатор Вальверде умрет быстро.

Берега здесь были другими. Вместо плотной стены джунглей появились топи. Деревья росли прямо из воды на корнях-ходулях. В воздухе стоял густой туман, пахнувший серой и разложением. Где-то неподалеку квакали лягушки хором, напоминая звук работающей пилорамы. Это были мангровые болота. Конец географии. Отсюда до дворца пешком не дойдет никто. Здесь даже ленивцы сходят с ума от влажности.

Лодка медленно кружилась на месте. В борту зияла рваная дыра от той самой коряги — сантиметрах в тридцати выше ватерлинии, но если зачерпнет еще раз на повороте, пойдет ко дну минут за пять. Нужно было выбираться на сушу. Любую, даже самую вонючую.

Степан подтянул ноги и попытался встать. Ноги не держали. Суставы дрожали от переохлаждения и адреналинового отката. Он опустил обратно на мокрые ребра жесткости дна и достал из внутреннего кармана пиджака то, ради чего вообще заварил эту кашу. Маленький шприц-тюбик. Одноразовый инъектор с иглой, спрятанной в колпачке. Внутрь плескалось двадцать миллилитров прозрачной жидкости.

Кураре. Синтетический, стабилизированный, купленный у биохакеров на Мальдивах за сумму, превышающую годовой бюджет этой республики.

Он посмотрел на свои руки. Они тряслись. Если он сейчас воткнет это себе в ногу вместо шеи Вальверде... Обратный билет ему не полагался.

Сироткину пришлось использовать зубы, чтобы содрать колпачок с иглы. Металл клацнул о эмаль. Он закатал мокрый рукав рубашки. Выбрал место на предплечье, подальше от вен, куда-нибудь в мышцу. Глубокая внутримышечная инъекция. Так гласила инструкция, которую он зазубрил перед вылетом. Главное — попасть в ткань, а не в сосуд. Попадание в кровь означало мгновенный паралич дыхательной системы. Красивая смерть для немецкого туриста.

Он приставил острое к коже, зажмурился и нажал на поршень. Раздался тихий щелчок. Жидкость ушла внутрь. Степан отбросил пластиковый трупик шприца за борт. Тот канул в черную воду без звука.

Теперь оставалось только ждать. Яд работал не сразу. Сначала должно появиться легкое покалывание в губах и кончиках пальцев. Затем — сухость во рту, хотя суше уже быть не может. Потом отключатся мышцы ног. Потом рук. Дыхательные диафрагмы продержатся дольше всех, давая жертве около двадцати минут полных осознанных мучений, пока мозг будет плавать в чистом кислороде, который легкие больше не могут вдохнуть.

Кураре не вызывает боли. Он просто выключает тело. Но Степан знал, что паника заполнит этот вакуум болью сполна.

Он ждал. Мгла сгущалась. Кваканье лягушек становилось громче. Шприц должен был подействовать через десять-пятнадцать минут. Время пошло.

Глава 6

Первым отказало не тело. Первым отказал слух. Кваканье лягушек, которое минуту назад казалось оглушительным ревом пилорамы, начало уплывать куда-то в сторону, превращаясь в далекий, искаженный радиоприемник. Затем выключили цвет. Туман над черной водой из серого стал пепельным, потом выцвел до грязно-белого, а затем мир погрузился в абсолютную, звенящую монохромность. Степан понял, что яд начал работать по синапсам.

Сухость во рту была мифом для учебников. Его рот уже был пустыней Сахарой последние пять часов, но сейчас язык превратился в кусок расплавленного пластика, прилипшего к нёбу. Он попытался сглотнуть и не смог. Мышцы гортани просто не сократились. Капитан дернулся, пытаясь вдохнуть глубже, проверить легкие, но ребра отказались расширяться.

Паника ударила раньше паралича. Холодная, рациональная паника профессионала. «Спокойно. Диафрагма еще работает. Сердце бьется. Это периферия». Он заставил себя замереть, прислушиваясь к телу как механик к стучащему мотору. Пальцы на правой руке одеревенели. Он посмотрел на ладонь — она казалась чужой, резиновой кукольной пер-

чаткой. Попытка пошевелить мизинцем не дала результата. Приказ ушел из мозга, застрял где-то в районе локтя и умер там от одиночества.

— Сука, — хотел сказать Степан, но губы лишь беззвучно разошлись. Из рта вытекла тонкая струйка слюны, смешанной с кровью из прокушенного языка. Она медленно стекла по подбородку на мокрую футболку.

Ноги отключились следом. Сначала ушла правая икроножная мышца — он почувствовал, как ступня безвольно завалилась набок, ударившись о борт лодки металлическим звуком пряжки. Затем колени. Тазовые мышцы. Тело ниже пояса превратилось в мешок с костями, брошенный на дно плоскодонки. Лодка тут же начала набирать воду через ту самую дыру быстрее — вес сместился, нос задрался вверх, открыв пробоину набегающей волне.

Степан лежал, глядя в небо сквозь клочья тумана. Звезды плыли. Или это плыли его глаза, лишенные мышечного контроля. Он все еще мог дышать. Каждый вдох давался титаническим усилием воли. Межреберные мышцы работали на последнем резерве. Двадцать минут, которые обещал торговец с Мальдив, начали обратный отсчет. Но двадцать минут сознания в теле, которое гниет заживо и тонет — это вечность.

Нужно было действовать. Пока работают плечи и шея. Пока диафрагма делает этот болезненный, рваный «вдох-вдох-вдох».

Лодка резко накренилась. Вода хлынула внутрь ледяным потоком, залив лицо. Степан захлебнулся бы, если бы мог перестать контролировать глотку. Инстинкт самосохранения оказался сильнее нейротоксина. Он рванулся вбок всем тем, что осталось от его тела. Движение выглядело жалко: голова дернулась, плечо врезалось в алюминиевый борт, отбросив череп на несколько сантиметров в сторону от затопленной кормы.

Он пополз. Головой вперед, извиваясь червем. Мокрая одежда примёрзла к ребрам жесткости дна. Каждый сантиметр отдавался вспышкой боли в сломанном ребре, но боль теперь тоже была глухой, ватной. Нервные окончания засыпали вместе с моторикой.

Его цель находилась под передней банкой. Спасательный жилет. Дешевая китайская поделка из оранжевого пенопласта, которую контрабандисты держат на лодках только для вида, чтобы не платить штрафы береговой охране. Жилет был привязан веревкой к сиденью. Веревка затянута мокрым узлом намертво.

Степан ткнулся лицом в узел. Зубы. Если хватит силы шеи — перегрызть. Он оскалился, сжимая челюсти на тугих волокнах. Раздалось тихое, влажное чавканье. Узел не поддавался. Зубы скользили по мокрой нейлоновой оплетке. Челюсти свело судорогой. Яд кураре имеет мерзкое свойство: он блокирует произвольные движения, но оставляет спазмы. Шея выгнулась дугой, затылок едва не хрустнул. Капитан

забился в конвульсиях, колотясь макушкой о днище лодки. Бульк-бульк-бульк — вода поднималась. Теперь она доходила до ушей.

В глазах потемнело от нехватки кислорода. Грудь горела огнем. Легкие требовали выдоха, но мозг запрещал отдавать остатки воздуха. Еще десять сантиметров. Веревка должна быть здесь.

Пальцы левой руки — той самой, которая висела плетью после падения — внезапно обожгло холодом. Степан скосил глаза. Кисть лежала в воде. И она шевелилась. Не по приказу. Это были предсмертные пляски нервов, фибрилляция. Пальцы сжались в кулак. В пустоте. Но когда они разжались, средний палец зацепился за что-то твердое, торчащее из щели между досками сиденья.

Это был гвоздь. Старый, ржавый, загнутый крючком гвоздь, которым прибивали лавку. Он торчал острием наружу всего на пару миллиметров, но в текущем положении Степана это был Эверест.

Капитан вложил всю оставшуюся энергию вселенной в поворот головы. Прижаться щекой к борту. Провести скулой по шершавому, слизкому алюминию. Добраться до гвоздя. Острие коснулось кожи возле уха. Боль была острой, реальной, заземляющей. Он повел головой вниз, вспарывая кожу лба о металл, пока не натянулся воротник рубашки.

Ткань капнула на гвоздь. Нет. Нужно выше. Куртка. На шее висел шнурок с жетонами. Степан мотнул головой,

сбрасывая их. Затем резким, судорожным движением плеча (единственной работающей частью тела) он швырнул свое туловище вправо. Подбородок ударился о край борта. Перед глазами взорвались белые пятна.

Но левая рука, подчиняясь закону всемирного тяготения и последнему импульсу умирающих мотонейронов, упала точно на гвоздь. Рука согнулась в локте. Крючок гвоздя вошел в рукав куртки, зацепившись за грубую шерсть подкладки мертвой хваткой.

Есть контакт.

Теперь нужно было перевернуть рычаг. Степан перестал дышать вообще. Весь воздух мира сосредоточился в попытке сдвинуть левую кисть на миллиметр. Он тянул руку к себе, используя вес собственного мертвого тела. Мокрая шерсть сопротивлялась, но гвоздь держал крепко.

Рывок. Хруст ткани. Петля на спасательном жилете соскользнула с гвоздя.

Жилет упал ему на лицо, закрыв обзор оранжевым пластиком. Степан втянул его носом, закашлялся беззвучно, но инерция сделала свое дело. Оранжевой колбасой из пенопласта придавило его к борту, замотав руки.

Вода сомкнулась над головой. Лодка пошла ко дну окончательно, булькнув на прощание пузырем болотного газа.

Оранжевое пятно поплыло вверх, к свету звезд, увлекая за собой бесчувственный груз. Сироткин погружался. Черная, густая вода обнимала его, заливая уши, глаза, проникая

в легкие, которые вопреки всему всё еще пытались сделать вдох. Желание открыть рот стало невыносимым, сладким, манящим. Всего один вздох. Глубокий, соленый вдох этой чудесной речной воды. И всё закончится. Никакого Вальверде. Никаких отчетов. Только покой.

Где-то далеко-далеко, на границе угасающего сознания, вспыхнул красный свет. Сигнал тревоги древнего мозга. Ствол автомата? Нет. Кровь. Это пульсировало в висках. А рядом с ним... пузырьки. Маленькие серебряные шарики летели вверх. Воздух. Там, наверху, был воздух.

Его вытолкнуло. Не руками. Сама жилетка, набравшая полные карманы воды, стала слишком тяжелой снизу и перекувыркнула груз. Голова Степана вырвалась на поверхность.

Грудь взорвалась. Спазм сдавил трахею так, что перед глазами почернело. Его вырвало желчью и коньяком прямо в черную гладь болота. Он не дышал — легкие просто сокращались бесконтрольно, исторгая жидкость. Но сознание удержалось на плаву вместе с оранжевым пятном.

Мимо проплыл труп лодки.

Степан остался один посреди мангровых топей, ночью, парализованный смертельной дозой яда, который должен был убить его через семь минут. Болота вокруг молчали. Даже лягушки затихли, почувствовав запах смерти, плывущей по их владениям.

Глава 7

Тело превратилось в бетонный саркофаг. Степан перестал

чувствовать даже боль в сломанном ребре — нервные окончания просто сгорели или уснули вечным сном. Лицо онемело, губы распухли и потрескались от соли. Он висел в оранжевом коконе спасательного жилета, как дохлая муха в янтаре. Единственным доказательством того, что он еще жив, была рвота желчью, которая периодически обжигала горло, и ледяной ветер, обдувающий мокрую голову.

Глаза были открыты, но видели только размытые пятна. Туман сгустился настолько, что превратился в молоко. Звезды исчезли. Луны не было. Мир ограничивался сантиметрами плотного, влажного пара перед носом. В этой тишине звук собственного сердца казался грохотом кузнечного молота. Бум-бум. Бум-бум. Слишком быстро для умирающего. Адреналин кураре не брал, а вот паника подливала масла в огонь. Сердце молотило, пытаясь прокачать застывающую кровь.

Сироткину казалось, что он плывет по реке Стикс уже несколько часов. Время потеряло смысл. Мозг, лишенный внешних раздражителей, начал сходить с ума. Сначала вернулись запахи. Нос, единственный орган, который яд почему-то проигнорировал, сходил с ума. К вони болота примешался резкий запах озона, как после удара молнии. Затем появился звук. Высокий, назойливый писк. Не цикады. Частота звука менялась, превращаясь то в церковный орган, то в визг тормозов. Это был звон в ушах от нехватки кислорода в мозгу. Кора головного мозга плавилась.

«Дыши», — приказал он диафрагме. Легкие послушно сжались, втягивая сырой воздух. Но вместе с воздухом вдохнулось что-то еще. Мелкая взвесь. Капли тумана оседали на слизистой, принося с собой сладковатый, приторный аромат гниющих фруктов. Запах мангровых болот сменился запахом джунглей. Плотных, сухих джунглей. Топь заканчивалась.

Внезапно шею обожгло. Что-то тонкое, но прочное хлестнуло по кадыку, дернув голову назад так резко, что позвонки затрещали. Оранжевый жилет остановился. Степана повело вперед, лицо окунулось в теплую воду, но дна не было — он просто завис в полуметре от поверхности. Натяжение ослабло, его качнуло обратно.

Сеть. Обычная рыбацкая сеть из толстого капрона. Она зацепила жилет за лямку и теперь держала его мертвой хваткой.

Степан замер. Если это браконьеры — ему конец. Парализованного человека бросят в реку к пираньям просто ради экономии патронов. Если это патруль Вальверде — его ждет допрос, который продлится ровно столько, сколько будет гореть сигарета следователя, прежде чем его расстреляют у ближайшей пальмы.

Звук шагов. Хлюп-хлюп. Кто-то шел по воде тяжело, с присвистом, словно у него была одна нога короче другой или протез. Шаги остановились прямо над головой. Силуэт заклонил остатки серого света в тумане. Фигура наклонилась.

Из-за пелены пара на Степана пахнуло чесноком, потом и дешевым табаком.

— *Soño de su madre*, — сказал голос. Хриплый, прокуренный, с интонацией крайнего раздражения. — Еще один утопленник. Сегодня они прыгают с неба пачками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.